

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ THEORETICAL AND APPLIED SOCIOLOGY

Научная статья

УДК 323.113

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-7-14

ДИАСПОРЫ В СУБЪЕКТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Андрей Владимирович Бедрик¹, Галина Игоревна Чикарова²✉

^{1, 2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

²Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, Ростов-на-Дону, Россия

¹avbedrik@sfsedu.ru, ORCID: 0000-0002-7549-4629,

AuthorID РИНЦ: 817604, Scopus AuthorID: 56809251600

²chikarova@sfsedu.ru✉, ORCID: 0000-0002-7499-5472, AuthorID РИНЦ: 947628

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении субъектного профиля гражданской вектора государственной национальной политики на региональном уровне, а также в определении индикаторов и уровня социальной субъектности диаспорных гражданских институций Ростовской области.

Методы исследования. Исследование основано на неинституциональной методологии, а также теоретических положениях теории социального капитала и теории социальных симулякров. Эмпирической базой исследования послужили результаты социологического опроса, а также результаты глубинных интервью.

Результаты исследования. Выявлен существенный институциональный потенциал диаспорных сообществ и целый ряд рисков, препятствующих полноценной реализации приоритетов государственной национальной политики в РФ. Исследованы диаспоры в контексте российской национальной политики в Ростовской области. Осуществлена типология диаспорных гражданских институтов.

Перспективы исследования. Результаты исследования могут быть использованы при планировании мероприятий государственной национальной политики на предстоящий исторический период в условиях подготовки к 2025 году новой редакции Стратегии государственной национальной политики России.

Ключевые слова: диаспоры, диаспорные сообщества, государственная национальная политика, гражданские институты, Ростовская область

Для цитирования: Бедрик А. В., Чикарова Г. И. Диаспоры в субъектном пространстве российской национальной политики (на примере Ростовской области) // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 7–14. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-7-14>.

Благодарности: статья выполнена в рамках проекта Российского научного фонда №23-28-01721 «Дiasпорные институты в интеграции и дезинтеграции полиэтнического сообщества Юга России».

Original article

**DIASPORAS IN THE SUBJECT SPACE
OF RUSSIAN NATIONAL POLICY
(ON THE EXAMPLE OF THE ROSTOV REGION)**

Andrey V. Bedrik¹, Galina I. Chikarova²✉

^{1,2}*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

²*South-Russian branch of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia*

¹*avbedrik@sfedu.ru, ORCID: 0000-0002-7549-4629,*

AuthorID RSCI: 817604, Scopus AuthorID: 56809251600

²*chikarova@sfedu.ru✉, ORCID: 0000-0002-7499-5472, AuthorID RSCI: 947628*

Abstract. *The purpose of the study is to identify the subject profile of the civil vector of the state national policy at the regional level, as well as to determine the indicators and level of social subjectivity of diasporic civil institutions of the Rostov region.*

Research methods. *The research is based on the neo-institutional methodology, as well as the theoretical provisions of the theory of social capital and the theory of social simulacra. The empirical basis of the study was the results of a sociological survey, as well as the results of in-depth interviews.*

The results of the study. *The significant institutional potential of diasporic communities and a number of risks preventing the full implementation of the priorities of the state national policy in the Russian Federation have been identified. Diasporas are studied in the context of Russian national policy in the Rostov region. A typology of diasporic civic institutions has been implemented.*

Research prospects. *The results of the study can be used in planning activities of the state national policy for the upcoming historical period in the context of preparing a new edition of the Strategy of the State National Policy of Russia by 2025.*

Keywords: *diasporas, diaspora communities, state national policy, civil institutions, Rostov region*

For citation: *Bedrik A. V., Chikarova G. I. Diasporas in the subject space of Russian National Policy (on the example of the Rostov Region) // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 7–14. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-7-14>.*

Acknowledgements: *the article was carried out within the framework of the project of the Russian Scientific Foundation №23-28-01721 «Diaspora institutions in the integration and disintegration of the multiethnic community of the South of Russia».*

Введение. Реализация государственной национальной политики в России опирается на конституционный принцип свободного выбора гражданами своей национальной принадлежности, недопустимость права использования своего родного языка и выбора модели этнокультурной социализации в частной и семейной жизни¹. Гарантированный Конституцией РФ принцип заложен в основу базового нормативно-правового документа всей сферы национальных отношений в Российской Федерации — Стратегию реализации государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (далее — СГНП РФ), утвержденную указом Президента РФ в декабре 2012 года². В ближайший двухлетний период предстоит не только дать оценку эффективности мероприятий, реализованных в рамках действующей Стратегии, но и с учетом полученного опыта сформировать новый нормативный фундамент развития сферы межнациональных отношений в России в среднесрочной и долгосрочной перспективе. В этой связи актуализируется вопрос, насколько субъекты государственной национальной политики смогли реализовать свой функционал и обеспечить полноценную реализацию ключевых целей стратегии: укрепление общегражданской (российской) идентичности, сохранение этнокультурного многообразия населения России, обеспечение интеграции мигрантов и содействие привлечению соотечественников в Россию, противодействие экстремизму и недопущение распространения ксенофобии и, как следствие, гармонизации межнациональных отношений в российском обществе [9; 10].

Особенностью СГНП РФ, реализуемой в настоящем периоде, является тот факт, что её субъектами наряду с органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, а также учреждениями образования, науки, культуры и молодежной политики выделяются институты гражданского общества. СГНП РФ

не только постулирует задачу полноценного использования потенциала институтов гражданского общества, в том числе национальных и многонациональных общественных объединений граждан, национально-культурных автономий, для преодоления межэтнической разобщенности и вражды, но и расширяет их участие на сферу регулирования миграционных процессов, противодействия экстремизму и терроризму, на молодежную, образовательную и культурную политику России [1]. В то же время, несмотря на оформление институциональных условий, участие гражданских субъектов в реализации стратегических целей и задач национальной политики России, общественные объединения до сих пор не обладают необходимым уровнем гражданской субъектности, которая гарантировала бы их самостоятельность и обеспечивала их необходимым ресурсным потенциалом для достижения декларируемых приоритетов — общегражданской консолидации при сохранении поликультурного многообразия российского общества.

Материалы и методы. Исследование основано на неинституциональной методологии Д. Норта [5], а также теоретических положениях теории социального капитала П. Бурдьё [3] и теории социальных симулякров Ж. Бодрийяра [2]. Эмпирической базой исследования послужили результаты социологического опроса, проводимого в июле-сентябре 2023 года в Ростовской области среди представителей этнических диаспор (N = 1350), а также результаты глубинных интервью с лидерами и активистами национально-культурных объединений, сотрудниками органов государственной власти и местного самоуправления в регионе (N = 45).

Специфика диаспорных сообществ в России. Под гражданскими институтами как субъектами национальной политики нами рассматриваются структуры гражданского общества в виде формальных и неформальных негосударственных добровольных объединений

1 Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm> (дата обращения: 16.11.2023).

2 Указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года» от 19.12.2012 г. №1666 [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата обращения: 16.11.2023).

граждан, осуществляющих на основе совместных интересов и целей свою деятельность, стремящихся через нее реализовать комплекс своих потребностей, достичь общего результата [8]. В общем комплексе гражданских институций национальной политики можно выделить две группы организаций. Первую группу составляют национально-культурные автономии и общественные организации, в том числе национально-культурные центры, фонды, этноконфессиональные объединения и т.д. Вторую группу составляют организации интернационального профиля, в том числе правозащитные организации, организации общественной (публичной) дипломатии, объединения патриотической направленности, проектные группы и т.д.

Особое место в организационном профиле гражданских субъектов национальной политики занимают объединения, представляющие диаспорные сообщества, т.е. этнические группы, имеющие за пределами Российской Федерации своё национальное государство, историческую родину, этническое ядро [7]. Исключительность их положения связана с тем, что, выполняя функцию внутриэтнической интеграции, данные объединения неизбежно опираются на представления о собственном «национальном гнезде» за пределами Российского государства. Соответственно, в отличие от национально-культурных объединений автохтонных народов России диаспорные объединения не только опираются на программные цели российской национальной политики, но и обеспечивают выполнение функций агента публичной дипломатии, непосредственно вовлечены в сетевой миграционный обмен, ориентируются на постоянную актуализацию связей с государствами своей титульной принадлежности [6]. Данное направление работы гражданских диаспорных объединений существенно актуализировано в современных условиях. В условиях роста международного давления и напряженности Российское государство испытывает серьезную заинтересованность в развитии сотрудничества с той частью зарубежных неправительственных структур, интересы и цели деятельности которых соответствуют интересам и целям политики России: популяризации ценностей интернационализма и патриотизма, пропаганде идей добрососедства и сотрудни-

чества, недопущению реабилитации фашизма и оправдания национализма.

Наряду с функционалом агента публичной дипломатии деятельность гражданских диаспорных институтов обеспечивает реализацию еще нескольких базовых функций [4]: во-первых, функцию представительства этнических и религиозных интересов диаспоры во всех внешних взаимодействиях, в том числе с органами государственной власти, муниципалитетами, дипломатическими структурами и др.; во-вторых, функцию сохранения национальной культуры и языка, где диаспорные объединения зачастую вынуждены опираться на ресурсный потенциал международных организаций и зарубежных правительств, представляющих данную этническую группу; в-третьих, медиаторскую функцию, которая состоит в участии гражданских институций диаспор в решении межэтнических и межрелигиозных конфликтов, их профилактике в рамках региональных и локальных сообществ.

Диаспоры в контексте российской национальной политики в Ростовской области. В соответствии с данными Территориального органа Министерства юстиции РФ по Ростовской области на территории региона на начало ноября 2023 года действующими гражданскими организациями национально-культурного профиля являются 116 объединений различного юридического статуса: национально-культурные автономии, общественные организации, автономные некоммерческие организации, фонды и иные объединения. Из них абсолютное большинство представляют интересы диаспорных народов (107 организации, т.е. 92%). Территориальный статус данных объединений различен: есть общероссийское объединение, региональные и местные организации, представляющие интересы следующих диаспорных этносов: армян (32), азербайджанцев (15), украинцев (10), белорусов (7), поляков (6), турок-месхетинцев (6), греков (5), грузин (5), евреев (5), корейцев (4), узбеков (4), ассирийцев (2), таджиков (2), абхазов (1), афганцев (1), молдаван (1), сирийцев (1). Кроме того, на уровне неформальных объединений функционируют объединения езидов, кыргызов, немцев, удин. Особняком стоит осетинское

объединение, которое одновременно позиционирует себя и как организации автохтонного этноса России, и как субъект общественной дипломатии в отношениях России и Республики Южная Осетия.

Однако представленное многообразие национально-культурных диаспорных объединений имеет определенное статистическое искажение, так как одна и та же инициативная группа диаспорных лидеров может выступать учредителем региональной и нескольких местных общественных организаций, регистрировать для различных целей дополнительные общественные институты более узкого профиля деятельности либо, несмотря на наличие юридически зарегистрированной общественной структуры, фактически не осуществлять какой-либо гражданской активности, не участвовать в мероприятиях государственной национальной политики в регионе в течение продолжительного времени.

При анализе потенциала гражданского диаспорного института, который обеспечивал бы его способность выступать в качестве субъекта государственной национальной политики, нами используется следующий набор индикаторов: 1) добровольность создания организации; 2) мотивированность деятельности организации интересами и потребностями диаспорной группы; 3) ресурсное обеспечение деятельности за счет материальных, организационных, нормативных, социальных, символических, информационных и иных ресурсов; 4) самостоятельность в определении приоритетов, целей и форм деятельности организаций и своих лидеров, а также в выборе партнеров; 5) регулярность деятельности в противовес ее фрагментарности и/или эпизодичности; 6) легитимность гражданской организации и ее лидеров в оценках конкретной целевой группы; 7) результативность деятельности, проявляющаяся в обеспечении достижения постулируемых целей объединения.

В ходе проведенных исследовательских процедур было установлено, что подавляющее большинство гражданских институций диаспорного профиля в Ростовской области декларируют «альтруистические» мотивы своей деятельности, в основе которых лежит забота о представителях своей национальной культуры, ориентация на защиту их прав, сохранение традиций и языка, на привлечение

ресурсов к решению широкого комплекса жизненных проблем членов диаспоры. Такую позицию в той или иной степени выражают практически все респонденты из числа лидеров и активистов национально-культурных объединений Ростовской области. Они же постулируются в уставных документах и на информационных ресурсах групп.

Однако по результатам глубинных интервью с представителями органов власти и опросов представителей диаспор в деятельности гражданских институций заметно проявляются мотивы прагматично-инструменталистского порядка. Данные мотивы связаны со стремлением лидеров национальных диаспорных объединений обеспечить себя символическим капиталом, необходимым для получения различного рода социальных преференций (в том числе материального и политического порядка) при осуществлении частной предпринимательской деятельности, карьерной самореализации. Среди молодежных лидеров национально-культурных диаспорных сообществ преобладающими же выявлены мотивы гражданской самореализации, когда сообщество выступает своего рода лифтом социальной мобильности молодого активиста, а также формой досуга, источником формирования социального капитала, необходимого для будущего карьерного продвижения в иных, не связанных с гражданской инициативой, сферах деятельности.

Анализ практики реализации гражданскими субъектами мероприятий национальной политики в регионе позволяет дифференцировать их на две условные группы, которые, хотя и являются тесно взаимосвязанными между собой, но тем не менее имеют различную мотивационную компоненту с альтернативными по своему содержанию целевыми установками. Первую группу практик составляют автономные практики диаспорных организаций, которые реализуются за счет их собственного потенциала и привлечения негосударственных источников средств (личные средства, спонсорство, гранты). Вторую группу практик составляют реактивно-патерналистские практики, реализуемые объединениями на основе выполнения прямых распоряжений органов власти либо через участие в инициативах иных общественных объединений, институтов образования, культуры,

молодежной политики. Такого рода участие в полном смысле не является реализацией гражданской субъектности, так как опирается исключительно на исполнительский потенциал сообщества. С точки зрения представителей диаспорного сообщества данного рода деятельность представляет ценность как инструмент позиционирования группы, развития её узнаваемости, как необходимый опыт для реализации самостоятельных проектов объединения в будущем. В то же время опыт проведенного исследования свидетельствует, что часть национально-культурных диаспорных объединений ориентируются на исключительное участие в такого рода пассивных практиках, так как они не требуют мобилизации значительного материального, темпорального и человеческого ресурса.

Диаспорные гражданские институты: проблемы типологии. Первичный анализ деятельности национально-культурных диаспорных объединений Ростовской области позволил классифицировать их на четыре базовых типа гражданских институций по состоянию их социальной субъектности (высокий/низкий) и ресурсному обеспечению (высокое/низкое) их деятельности (табл. 1).

Первый тип диаспорных гражданских институтов — центры этнической силы — характеризуется высоким уровнем интеграции в элитарные социальные слои, наличием класса этнической интеллигенции и класса этнического предпринимательства, многослойными структурами диаспоры, как правило, включающей несколько исторических компонентов, значительным демографическим потенциалом и актуальной этнической идентичностью среди молодежи, использованием в своей деятельности самостоятельных ресурсов и привлечением внешних средств.

Второй тип диаспорных гражданских институтов — центры этнического предпринимательства — отличается большим объемом демографического потенциала группы, но его концентрацией преимущественно в низкопрестижных и малоквалифицированных сферах занятости. Лидер объединения монополично обеспечивает каналы большинства внешних связей группы. В данных группах практически отсутствует слой этнической интеллигенции. Фактически данные объединения выполняют функционал сетевого миграционного центра. В этих группах имеет место неравномерное представительство мужчин и женщин и возрастных когорт: большинство представителей диаспоры относятся к категории трудоспособного населения мужского пола.

Третий тип диаспорных гражданских институтов — центры этнического просвещения — это новые группы с растущим демографическим потенциалом, которые за счет небольшого, но активного слоя этнической интеллигенции (как правило, выпускников российских вузов) проявляют высокую степень гражданской активности и в значительной степени ориентированы на символическую интеграцию в новое сообщество.

Четвертый тип диаспорных гражданских институтов — центры этнической ностальгии — представляют преимущественно классические диаспоры, демографический потенциал которых ограничен возрастной структурой (люди старшего возраста и пожилые) и интенсивными ассимиляционными процессами среди молодежи и представителей среднего поколения. Однако в настоящий момент в данных группах наблюдается тенденция расширения социальной базы своей деятельности, что обусловлено ростом интереса со стороны молодежи к предоставляемым сообществами возможностям репатриационного характера.

Таблица 1
Table 1

Типология диаспорных гражданских институтов
Typology of Diaspora civic institutions

Ресурсный потенциал	Высокий уровень социальной субъектности	Низкий уровень социальной субъектности
Высокий	Центры этнической силы	Центры этнического предпринимательства
Низкий	Центры этнического просвещения	Центры этнической ностальгии

Заключение. Анализ субъектного профиля государственной национальной политики на региональном уровне с одной стороны позволил выявить существенный институциональный потенциал диаспорных сообществ, но с другой продемонстрировал наличие целого ряда рисков, препятствующих полноценной реализации приоритетов СГНП РФ. Такими рисками являются демотивация реальной гражданской инициативы и распространение симулятивного вектора гражданского участия диаспорных гражданских институтов в мероприятиях национальной политики и, как следствие, потенциальная делегитимация этих организаций в оценках их целевых групп. Свидетельством подобной тенденции является тот факт, что одно и то же диаспорное сообщество представляют несколько альтернативных друг другу общественных объединений, лидеры которых зачастую выступают конкурентами, а среди части рядовых членов диаспор ни одно из объединений не рассматривается как представитель их интересов. Преодоление данных негативных тенденций является первоочередной задачей планирования мероприятий государственной национальной политики на предстоящий исторический период в условиях подготовки к 2025 году новой редакции Стратегии государственной национальной политики России.

Список источников

1. Аствацатурова М. А. Этнополитика как искусство возможного: теоретические идеи и практические проекции. М.: Academia, 2020. 342 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2018. 240 с.
3. Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2017. 288 с.
4. Национально-культурные автономии Российской Федерации / Отв. ред. О. В. Солопова. СПб.: Алетейя, 2019. 374 с.
5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 180 с.
6. Полоскова Т. В. Современные диаспоры. Внутриполитические и международные аспекты. М.: Научная книга, 2002. 284 с.

7. Попков В. Д. Феномен этнических диаспор. М.: ИС РАН, 2003. 340 с.

8. Энциклопедический социологический словарь / Общ. ред. академика РАН Г. В. Осипова. М.: ИСПИ РАН, 1995. 940 с.

9. Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В. А. Тишкова и В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. 561 с.

10. Dyatlov A. V., Kumykov A. M., Lubsky A. V., Serikov A. V., Posukhova O. Yu. National security: paradigmatic fundamentals of research practices // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. №5S4. Pp. 266–271.

References

1. Astvacaturova M. A. Jetnopolitika kak iskusstvo vozmozhnogo: teoreticheskie idei i prakticheskie proekcii [Ethnopolitics as the art of the possible: theoretical ideas and practical projections]. Moscow: Academia, 2020. 342 p. (In Russ.).
2. Bodrijar Zh. Simuljakry i simuljacji [Simulacra and simulations]. Moscow: Postum, 2018. 240 p. (In Russ.).
3. Burd'jo P. Sociologija social'nogo prostanstva [Sociology of social space]. Saint Petersburg: Aleteja, 2017. 288 p. (In Russ.).
4. Nacional'no-kul'turnye avtonomii Rossijskoj Federacii [National and cultural autonomies of the Russian Federation]. Otв. red. O. V. Solopova [In O. V. Solopova (eds.)]. Saint Petersburg: Aleteja, 2019. 374 p. (In Russ.).
5. Nort D. Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki [Institutes, institutional changes and the functioning of the economy]. Moscow: Nachala, 1997. 180 p. (In Russ.).
6. Poloskova T. V. Sovremennye diaspor. Vnutripoliticheskie i mezhdunarodnye aspekty [Modern diasporas. Domestic political and international aspects]. Moscow: Nauchnaja kniga, 2002. 284 p. (In Russ.).
7. Popkov V. D. Fenomen jetnicheskikh diaspor [The phenomenon of ethnic diasporas]. Moscow: IS RAN, 2003. 340 p. (In Russ.).
8. Jenciklopedicheskij sociologicheskij slovar' [Encyclopedic sociological dictionary]. Obshh. red. akademika RAN G. V. Osipova [In Academician of the Russian Academy of Sciences G. V. Osipov (eds.)]. Moscow: ISPI RAN, 1995. 940 p. (In Russ.).

9. Jetnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii [Ethnic and religious diversity of Russia]. Pod red. V.A. Tishkova i V.V. Stepanova [In V.A. Tishkov and V.V. Stepanov (eds.)]. Moscow: IJeA RAN, 2018. 561 p. (In Russ.).

10. Dyatlov A. V., Kumykov A. M., Lubsky A. V., Serikov A. V., Posukhova O. Yu. National security: paradigmatic fundamentals of research practices. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015; 6(5S4): 266–271.

Статья поступила в редакцию 06.11.2023; одобрена после рецензирования 24.11.2023; принята к публикации 14.12.2023.

The article was submitted on 06.11.2023; approved after reviewing on 24.11.2023; accepted for publication on 14.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бедрик Андрей Владимирович — кандидат социологических наук, доцент Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Andrey V. Bedrik — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, Russia

Чикарова Галина Игоревна — кандидат социологических наук, ассистент кафедры «Конфликтология и национальная безопасность» Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет; ученый секретарь Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Galina I. Chikarova — Candidate of Sociological Sciences, Assistant of the Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University; Academic Secretary, South Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
